

ЖЕРОМ ДЕ ВЕРДЬЕР

платье

INSPIRIA

Москва
2023

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
В31

Jérôme de Verdière

LA ROBE

© Le Cherche Midi, 2022
Published by arrangement
with Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского *Виктора Липки*

Вердьер, Жером, де.

В31 Платье / Жером де Вердьер ; [перевод с французского В. Липки]. — Москва : Эксмо, 2023. — 224 с.

ISBN 978-5-04-179048-6

«Платье» — книга о том, как мир сходит с ума, но любовь и юмор все еще способны его спасти.

Однажды вечером, перед тем как накрыть на стол, Изабель дарит мужу платье. Она хочет, чтобы Жан-Пьер надел его к ужину. Он не может понять — это плохая шутка, жена заболела или мир так сильно изменился? Но скоро придут гости, и счет идет на минуты. Жан-Пьера ждет череда фантазмагорических поворотов: платье в цветочек в коробке, испуганные гости, попытка удушения соседа (этим же платьем). Но об этом позже. Жером де Вердьер ставит под сомнение адекватность происходящего вокруг и исследует отношения пар, высмеивая как блаженных прогрессистов, так и угрюмых консерваторов.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-179048-6

© Липка В., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается
Элиоту, Жюстине и Камилле,
творящим мир завтрашний,
и Амандине, творящей мир сегодняшний.*

Прогресс человечества измеряется
уступками, на которые безумство
мудрецов идет ради мудрости безумцев.

Жан Жоре

Это свалилось на него, хотя он даже ничего не заметил. А могло на вас. Или на меня. Но свалилось на него. Такого же, как все остальные.

На циферблате — восемнадцать часов четырнадцать минут (и пятьдесят три секунды — если быть совсем точным). Через семь секунд, в восемнадцать пятнадцать, то есть когда вы дочитаете до конца эту фразу, жизнь человека заложит крутой вираж.

18 часов 15 минут

— Я умираю от усталости!

На Жан-Пьере выдавший виды плащ. На лице тоже невероятная усталость. Швырнув на комод у входа ключи от машины, он рухнул в гостиной на диван. Не нашел в себе сил даже сбросить «хламиду». Именно так называла его плащ Изабель, которая сама ему его и купила лет пятнадцать назад. В качестве подарка на день рождения. Роскошный и дорогуший «Берберри», придававший мужу, как ей казалось, таинственный вид. «Ну просто супер! У тебя такой вид, будто ты только что сошел со страниц романа Модино!»¹

Но с тех пор прошло много лет. Теперь она без конца жалуется на эту антикварную одежду. «Он свое отслужил, выбрось его или отдай какому-нибудь клошару!» Так-то оно так, только вот Жан-Пьеру его хламида нравится по сей день. Да, немного вытерся воротник и обтрепались рукава, но это ведь почти незаметно. Да и потом, он к ней привык. С первых сентябрьских дождей и до робких в своей ласке по-

¹ Жан Патрик Модино (род. в 1945 г.) — французский писатель и сценарист, лауреат Нобелевской премии по литературе (2014 г.). Практически все его произведения автобиографичны либо связаны с темой Второй мировой войны.

ползновений апреля она для него превратилась во вторую шкуру. Сорвать с него этот плащ было сродни содрать живьем кожу.

Положив на подлокотники дивана широко раскинутые в стороны руки, вытянув вперед ноги, в аккурат вровень с грудью, и чуть запрокинув голову, Жан-Пьер похож на Христа — Христа в бежевом плаще, пригвожденного к дивану.

На журнальном столике лежит подарочный пакет, не давая закинуть туда ноги. Это еще что такое? Задать вопрос вслух у него нет сил — как и подвинуть пакет чуть в сторону носком ботинка, чтобы освободить место. Тогда он закрывает глаза...

18 часов 16 минут

— Я умираю от усталости!

Есть от чего. Жан-Пьер больше пяти часов парился в лишенной окон аудитории на подземном этаже одной из башен Ла-Дефанс¹. Ему полдня вколачивали знания на тему «Дизайн-мышление: как развивать творческий потенциал».

На сцене паренек лет тридцати без пиджака и с трехдневной щетиной на физиономии фланирует туда-сюда с микрофоном в руке на манер комиков из «Комеди Клуб Жамель». В роли публики — два десятка менеджеров высшего звена агентства «Ком'Бустер». Тон этот тип задал с самого начала.

— Сегодня я требую, чтобы вы взбунтовались и восстали, нарушив любые правила... Все согласны?

Звучат несколько робких ответов.

— Я не расслышал... Вы согласны или нет?

И будущие эксперты по креативному развитию понимают, что им придется подчиниться тому, кто несколько секунд назад требовал от них совершенно обратного, то есть неподчинения. Подобное проти-

¹ Ла-Дефанс — современный деловой квартал в пригороде французской столицы, известный как «парижский Манхэттен».

воречие его даже не удивляет. Но по примеру всех остальных он издает звучное «да», вливающееся в общий хор восклицаний коллег, в той или иной степени восторженных. На таких вот семинарах надо отдаться на волю волн, слушать и одобрять каждый раз, когда это от тебя требуется. И дожидаться конца, надеясь, что все закончится быстро... А потом возвращаться домой.

Заложив фундамент, аниматор выдает себя за историка:

— *Дизайн-мышление* представляет собой революционную методiku менеджмента, родившуюся в Калифорнии в 1980-х годах...

«Что-то долговато она добиралась к нам через Атлантику, целых сорок лет», — думает Жан-Пьер, не осмеливаясь высказать свою мысль вслух. У него был бы глупый вид. Все, кому не лень, знают, что Франция, побыв какое-то время в авангарде, давным-давно взяла в привычку не торопиться со всякими революциями. Так что лучше помолчать и послушать, в чем же, собственно, состоит это прославленное «дизайн-мышление». А состоит оно, если в двух словах, в том, чтобы труженики одного и того же предприятия писали на заданную тему все, что в голову взбредет. А потом читали в «кругу доброжелательных слушателей» (этот момент методист подчеркнул особо), чтобы вычленил основопологающую идею, облечь ее в «концепцию» и предложить клиенту.

— Подумаешь, — ворчит Жан-Пьер, склонившись к соседу, — по сути, все это его «дизайн-мышление» — не что иное, как сборище трех балбесов, вооружившихся блокнотами и карандашами; лично я в упор не вижу здесь ничего революционного.

В то же мгновение методист переключается на другой регистр, завязывает со своим стендапом и пе-

ПЛАТЬЕ

реходит к мессе. На смену артисту приходит гуру — даже не переобувшись.

— Теперь я предлагаю вам ответить на ряд моих утверждений. Если они, на ваш взгляд, верны, поднимайте над головой правую руку. Если же нет, прикладывайте левую к животу. Готовы? Тогда поехали!

И правда поехали — несколько мгновений спустя весь топ-менеджмент «Ком'Бустера» начал отплясывать макарену топ-уровня под ритм монотонных псалмов нашего гуру.

В этот самый момент Жан-Пьер чувствует, как его одолевает невероятная усталость. Не без толики отращения к самому себе.

18 часов 17 минут

— Солнышко? Ты меня слышишь? Я умираю от усталости! Просто умираю!

— Хорошо, мой дорогой.

— Я умираю от усталости, а ты говоришь, что это «хорошо»?

— Что-что?

Какого черта Изабель может делать в ванной в такой час? Это не в ее духе. Она ведь женщина с идеальной организацией. И в санузел навевывается только утром после пробуждения да вечером, в аккурат перед тем, как лечь спать.

Изабель — высокая брюнетка лет пятидесяти, прозрачная кожа которой никогда не нуждалась в чрезмерном макияже. Лишь в паре легких мазков перед схваткой с очередным днем, чтобы стереть их тотчас по его окончании. Именно эта природная красота двадцать пять лет назад понравилась мужчине, которому предстояло стать ее мужем. И нравится до сих пор.

Когда Жан-Пьер делал первые шаги в рекламном бизнесе, Изабель училась на медицинском факультете. А когда он после первой встречи вышел с ней на связь и предложил чего-нибудь выпить, она согласилась — скорее из любопытства, нежели из других побуждений. Что вообще могло от нее понадобиться

этому высокому типу в очках, не лишенному шарма, но даже близко не обладающему пылкой чувственностью? Хотя о мыслях в его голове у нее имелись лишь самые смутные представления, в первую очередь ее подмывало желание узнать, как он поведет себя дальше. А повел он себя как самый настоящий недотепа.

— Ты мне в глаз дала... С тех пор он у меня болит... Слушай, ты же ведь у нас из этих... из медиков, может, знаешь хорошего офтальмолога, а?

В качестве романтической зацепки уловка была так себе, но все же развеселила Изабель достаточно для того, чтобы она согласилась сначала на второе, а потом и на третье свидание. А началась история их любви с поцелуя.

Жан-Пьер был неловок, очарователен и смешон. К тому же казался «парнем что надо». Так Катрин, старшая сестра Изабель, сказала, якобы случайно с ним повстречавшись (хотя на самом деле все было подстроено заранее).

«Твой ухажер — парень что надо».

Изабель была хорошенькой, сообразительной, уверенной в себе. Ее прекрасные черные глаза искрились умом. Причем умом жизнерадостным. Этими самыми глазками она улыбалась. От такого коктейля Жан-Пьер и потерял голову. Коктейль этот манит его и сейчас.

— Я говорю, что вымотался дальше некуда, а ты говоришь, что это «хорошо»?

— В холодильнике!

— В холодильнике? Что в холодильнике?!

— Что-что?

— Я говорю, что вымотался дальше некуда, а ты мне в ответ «в холодильнике»!

— Я тебя не слышу...

Спасибо, но это он уже и без нее понял.

Однако обычно это она обвиняет его, что он пропускает ее слова мимо ушей. В последнее время их жизнь сводится к дружелюбному разговору глухих, зачастую посвященному вопросу о том, кто кого слушает, а кто нет. По ее словам, с течением лет Жан-Пьер все больше теряет память, словно его преждевременно поразила болезнь Альцгеймера.

«Как ваша жена?» — спросил он как-то консьержа их дома.

«Все еще мертва», — грустно ответил тот.

Хотя ему уже не раз говорили, что страж их дома — вдовец. Но мужу Изабель все нипочем, он больше никого не слушает. По ее глубокому убеждению, мужчины не слушают жен, страшась осознать собственную неправоту.

Так что если в двух словах, то эта парочка в той или иной степени ходит по кругу, избегая столкновений. А нередко даже переживая минуты блаженства. Но все равно по кругу. «У нас же все в порядке? Как по маслу, да?» — то и дело спрашивает она. А его каждый раз так и подмывает ответить, что, может, и по маслу, но больше по кругу, однако, утомленный войной, он, дабы не нагнетать ситуацию, решает не говорить ни слова и лишь молча с ней соглашается.

— Да говорю же тебе, я не слышу!

— Ладно, проехали! В любом случае спасибо, теперь я вижу, что моя судьба тебе безразлична!

— Как обычно! В верхнем ящичке посмотри!

Жан-Пьер возносит к небу глаза. Только вот почему? Из-за несуразностей этого разговора с женой, который и разговором не назовешь? Из-за того, что весь этот кошмарный день его пичкали какими-то мутными знаниями? Или, может, просто в силу пя-

тидесятипятилетнего возраста, который начинает давить на него тяжким грузом? Как же он устал от чувства одиночества. Ощущает себя чуть ли не брошенным, хотя жена от него всего в нескольких метрах — как ни крути, а их разделяют всего две тонкие перегородки парижской квартиры. Но горечи факта это никоим образом не умаляет. Утонув в диванных подушках, он ведет с самим собой безмолвный диалог, вываливая свои горести в пустоту гостиной, обставленной добротной, но без претензий, мебелью. Все как обычно.

Каждые десять лет Изабель с постоянством метронома радикально меняет обстановку. В последний раз ей в голову пришла блажь оформить все в скандинавском стиле. Особой неприязни у Жан-Пьера это не вызвало, но и в восторг тоже не привело. Да и что вообще по нынешним временам может внушить ему энтузиазм? Очень и очень немного... Поэтому при виде всей этой датской, шведской и финской мебели он демонстрирует швейцарский нейтралитет. В хороший денек декор кажется ему сдержанным и утонченным. А в паршивый его не отпускает странное ощущение, будто его поселили на роскошной альпийской базе отдыха. В целом же ему на все это убранство глубоко наплевать.

Его безразличие, с каждым днем набирающее обороты, все больше беспокоит жену, хотя Жан-Пьер об этом даже не подозревает. Своими тревогами Изабель поделилась с подругой Соланж — в аккурат затеяв переоформление гостиной: «Представляешь? У меня в самом разгаре ремонт, а тут он со своим кризисом пятидесятилетнего возраста!»

Со стороны кажется, что связь с миром Жан-Пьер поддерживает только через новостные каналы.